

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604

Научная статья / Research article

Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия

К.В. Асмолов, Л.В. Захарова

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Российская Федерация

В феврале 2020 г. исполнилось 20 лет со дня подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР), заложившего основы современных двусторонних отношений, свободных от идеологии и основанных на принципах прагматизма и взаимовыгоды. В статье исследованы основные направления и результаты двусторонних отношений в 2000—2019 гг. с целью выявления приоритетов России и тех результатов, которых Москве удалось достичь по каждому из них. Выстроенная на основе анализа событий, официальных заявлений, документов и экономической статистики иерархия ключевых интересов России в отношении КНДР позволяет оценить текущий уровень двустороннего взаимодействия, обозначить логику его развития и перспективы. Авторами также было определено, что на первом месте по важности для России — приграничная стабильность. На российских границах Москве не выгодны ни военный конфликт, ни гуманитарная катастрофа, ни «еще большая Республика Корея». Поэтому Россия стремится сохранять статус-кво, по возможности (без ущерба для себя) способствуя экономическому развитию Северной Кореи. В отношении ядерного урегулирования Москву волнует не ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна *per se*, а его возможные последствия: налицо четкое понимание, что он не направлен против России. На втором месте — соблюдение Москвой своих международных обязательств, отказ от которых может негативно отразиться на позициях страны на мировой арене и в других регионах. К этой группе приоритетов относится участие России в ядерном урегулировании и соблюдение санкций Совета Безопасности ООН. На третьем месте — защита российских экономических интересов в регионе, которых на данном этапе немного, так как у большинства экономических проектов есть политическая подоплека. Сделан вывод о том, что стратегические цели России (мир и безопасность в Северо-Восточной Азии) пока не достигнуты, а основные тактические (приграничная стабильность) в целом реализованы, хотя и с ущербом для менее значимых приоритетов (среди которых экономические интересы в регионе).

Ключевые слова: внешняя политика России, КНДР, российско-северокорейские отношения, ядерная проблема Корейского полуострова, санкции Совета Безопасности ООН, сотрудничество

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00020.

© Асмолов К.В., Захарова Л.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 3. С. 585—604. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604

Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of the First 20 Years

K.V. Asmolov, L.V. Zakharova

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. February 2020 marked 20 years since a new Treaty on Friendship, Good-neighborliness and Cooperation was signed between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea (DPRK). The document constitutes a basis of modern bilateral relations, free of ideology and based on the principles of pragmatism and mutual benefit. The article explores main directions and results in bilateral ties in 2000—2019 in order to identify the priorities of Russia and the results that Moscow managed to achieve for each of them. The presented hierarchy of Russia's key interests in relation to the DPRK makes it possible to assess the current level of bilateral interaction and outline the logic of its development and prospects. It was revealed that Russia's top priority is stability on its borders. Neither a military conflict, nor a humanitarian catastrophe, nor "a larger Republic of Korea" is beneficial to Moscow. Therefore, the Russian Federation seeks to maintain the status quo, contributing (without prejudice to itself) to the economic development of North Korea. With regard to the nuclear settlement, Moscow is not concerned with Pyongyang's nuclear missile potential per se, but with its possible consequences for regional security. There is a clear understanding that North Korean nukes are not directed against Russia. The second-level priority is Moscow's observance of its international obligations, the refusal of which may negatively affect the country's positions in the international arena and other regions. This group of priorities includes Russia's participation in the nuclear settlement and compliance with the UN Security Council sanctions. In the third place is the protection of Russian economic interests in the region, which are few at this stage, since most economic projects have a political background. The authors conclude that Russia's strategic goals (peace and security in the Northeast Asia) have not been achieved yet, while the main tactical ones (i.e. border stability) have been mostly attained, although with some damage to less significant priorities (such as economic interests in the region).

Key words: Russia's foreign policy, DPRK, Russia — North Korea relations, nuclear issue on the Korean Peninsula, UN Security Council sanctions, cooperation

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-0020.

For citation: Asmolov, K.V. & Zakharova, L.V. (2020). Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of the First 20 Years. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (3), 585—604. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604

Введение

В феврале 2020 г. исполнилось 20 лет со дня подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР), заложившего концептуальные основы современных двусторонних отношений. В июле 2020 г. также исполняется 20 лет со дня первого в истории визита президента России в Пхеньян, открывшего принципиально новую страницу в области

сотрудничества двух государств¹, свободного от идеологии и основанного на принципах прагматизма и взаимной выгоды. После 1990-х гг., когда Москва утратила фактически все свои позиции в КНДР, попытка заново

¹ Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры Международному информационному агентству «ТАСС», опубликованное 7 февраля 2020 г. // МИД России. 07.02.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/4029513 (дата обращения: 15.04.2020).

выстроить добрососедские отношения на новых основаниях и в не самых благоприятных международных условиях (в конце 2002 г. начался второй ядерный кризис на Корейском полуострове) требовала от обеих стран как определенного дипломатического мастерства, так и четкого осознания своих национальных интересов и готовности последовательно их отстаивать.

Представляется своевременным подвести итоги прошедших 20 лет, проанализировать основные события и документы российско-северокорейских отношений с целью выявления приоритетов России и тех результатов, которых Москве удалось достичь по каждому из них. Выстроенная на основе анализа фактов, официальных заявлений, документов и экономической статистики иерархия ключевых интересов РФ в отношении КНДР позволит оценить текущий уровень двустороннего взаимодействия, обозначить логику его развития и перспективы.

В течение многих лет мировое сообщество ищет рычаги влияния на Пхеньян, чтобы заставить его отказаться от ракетно-ядерной программы. В последние годы санкции прочно заняли место ключевого инструмента давления на Северную Корею, а их неэффективность эксперты часто списывают на политику Китая. При этом зарубежные аналитики иногда вспоминают и о России как потенциальном источнике экономической и политической поддержки Пхеньяна. Полученные результаты исследования внесут свой вклад в дискуссию о возможностях и пределах влияния России на ситуацию на Корейском полуострове, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами.

Обзор литературы и основные исследовательские подходы

В отечественной историографии тема российско-северокорейских отношений получила широкое освещение и в некоторой степени даже была предметом научной дискуссии (особенно в конце 1990-х — начале 2000-х гг.).

Одна группа ученых продолжала придерживаться оценок ельцинского времени, считая сотрудничество с КНДР нежелательным, а Пхеньян — недоговороспособным. Предлагалось сосредоточиться на контактах с Республикой Корея (РК) как экономически развитой страной. К сторонникам этого подхода можно отнести, например, Г.Ф. Кунадзе [1999] и В.В. Михеева [2003].

Современная научная школа Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН считает вполне оправданным участие России в переговорах по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) без привлечения к этому процессу КНДР с целью установления «плотной координации» России, Китая, США, РК и Японии [Кризис и новая повестка дня... 2018: 60—61].

В «Стратегическом глобальном прогнозе 2030» указывается, что появление объединенной Кореи путем поглощения Севера Югом будет способствовать укреплению позиций России в АТР [Strategic Global Forecast... 2013: 353—356].

С.А. Луконин называет развитие экономического сотрудничества между Россией и КНДР «бесперспективным», выделяя такие негативные факторы, как «отсталость северо-корейской экономики, санкционный режим в отношении КНДР, невозможность гарантировать защиту и неприкосновенность российских инвестиций» [Луконин 2018: 77].

В то же время А.Н. Федоровский отмечает, что стратегические интересы России тесно связаны с урегулированием ядерной проблемы, снятием с Пхеньяна международных санкций и развитием межкорейских отношений, так как в данном случае Корейский полуостров может стать «действенным дополнительным “мостом”, соединяющим российскую экономику со странами АТР» [Федоровский 2020: 51].

Другая группа российских ученых выступает за равно-ориентированную, сбалансированную политику в отношении двух корейских государств и прагматичный подход к взаимодействию с Северной Кореей, основанный на логике политического

реализма и геополитики. Первый руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН В.П. Ткаченко [2000], по сути, сформировал концептуальные рамки данного подхода. Г.Д. Толорая отмечал, что потеря влияния на КНДР в 1990-е гг. ослабила позиции России на Корейском полуострове [Toloraya 2002], и исправить ситуацию помогло лишь «восстановление баланса в отношениях с двумя корейскими государствами в начале 2000-х гг.» [Толорая 2014: 82].

Академик М.Л. Титаренко определяет российскую политику в Корею начала XXI в. как «прагматическую» и уделяющую экономическим отношениям больше внимания, чем политическим [Титаренко 2001: 83]. А.З. Жебин также отмечает сдвиг в сторону экономической дипломатии [Жебин 2006: 31, 33—34], а также указывает на возможности восстановления связей России с КНДР «на основе прагматизма и задействования нашей мягкой силы в КНДР»².

А.И. Мацегора подчеркивает, что вызванный ядерной проблемой Корейского полуострова спад в отношениях Москвы с Пхеньяном носит временный характер: есть резервы расширения сотрудничества и расчеты на трехсторонние проекты [Мацегора 2014: 15].

Л.В. Забровская прогнозирует, что одним из результатов стабилизации отношений России с двумя корейскими государствами может стать «укрепление экономических позиций российского Дальнего Востока» [Забровская 2010: 319]. В то же время А.З. Жебин подчеркивает, что Москве в отношениях с Пхеньяном необходимо учитывать, что «ракетно-ядерная программа КНДР умело используется США как для оправдания военных приготовлений вдоль границ РФ и КНР на Дальнем Востоке, так и для создания там военного блока с участием Японии и РК» [Жебин 2017: 5].

В 2008 г. в Институте Дальнего Востока (ИДВ) РАН вышла коллективная монография

«Корейское урегулирование и интересы России» [2008], где освещался широкий круг областей сотрудничества России, Северной и Южной Кореи. В 2015 г. в МГИМО было проведено похожее исследование, по итогам которого была опубликована монография «Неспокойное соседство. Проблемы Корейского полуострова и вызовы для России» [2015]. Особое внимание в указанных работах уделено ядерному урегулированию и международным отношениям в регионе, отдельные главы монографий посвящены российско-северокорейским экономическим отношениям и анализу экономических изменений в КНДР. Проблемы российско-северокорейских отношений в своих трудах рассматривали В.И. Денисов [2015], А.В. Воронцов [2002], Г.Д. Толорая и А.В. Воронцов [Toloraya, Vorontsov 2015], И.В. Дьячков [Streltsov, Kireeva, Dyachkov 2018; Дьячков 2020]. Также можно выделить коллективный аналитический доклад российских ученых во главе с А. Лукиным, которые в 2017 г. представили комплексную оценку российско-северокорейских отношений в контексте ядерного урегулирования [Lukin et al. 2017].

Г.Д. Толорая и Л.Н. Яковлева разделили отношения между СССР/Россией и КНДР на протяжении последних трех десятилетий на четыре этапа:

- 1) 1985—1995 гг. — спад;
- 2) 1996—2002 гг. — осознание необходимости «стоять на двух ногах» и выход на уровень «чрезвычайно доверительных отношений»;
- 3) 2003—2011 гг. — частичное охлаждение из-за начала второго витка ЯПКП;
- 4) 2011—2018 гг. — правление Ким Чен Ына, которое делится на несколько подэтапов, коррелирующих с развитием напряженности вследствие ЯПКП и реакции КНДР на события 2014 г. в России [Толорая, Яковлева 2018].

Экономическим отношениям России с КНДР и поиску путей их развития в XXI в. посвящены труды М.Е. Тригубенко [Тригубенко, Нгуен 2019], П.С. Лешакова [2005], С.С. Суслиной [2006], А.И. Шарафетдиновой [2017] и Л.В. Захаровой [Zakharova 2016].

² Жебин А.З. Россия — КНДР: соседей не выбирают // Независимая газета. 14.10.2013. URL: http://www.ng.ru/courier/2013-10-14/9_rus_kndr.html (дата обращения: 23.04.2020).

При этом часто звучат мнения о том, что «российское участие в хозяйственном обмене с КНДР абсолютно неадекватно экономическим и политическим интересам России в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове», а некоторые эксперты считают, что «России необходимо прилагать усилия для оживления торгово-экономических связей с КНДР» [Панкина 2009: 168–169].

Отдельно можно выделить работы, написанные специалистами научных центров Дальнего Востока России, такими как Л.Е. Козлов [2018], М.П. Кукла [2017], В.Ю. Мишин [2016], А.Л. Лукин [2017], Л.В. Забровская [Zabrovskaya 2006], в которых предпринимаются попытки оценить потенциал сотрудничества с КНДР для развития Дальневосточного федерального округа, а также воздействие ядерного кризиса на региональную безопасность. Л.Е. Козлов считает, что влияние сотрудничества с Северной Кореей на экономику Дальнего Востока минимально, а в качестве главного препятствия для расширения двусторонних связей называет «автаркичный характер экономики КНДР» [Козлов 2018: 18]. В свою очередь, М.П. Кукла подчеркивает, что перспективы развития российско-северо-корейских связей «полностью зависят» от нормализации обстановки на Корейском полуострове и ситуации с международными санкциями [Кукла 2017: 68]. В то же время В.Ю. Мишин указывает на важность сохранения вектора «поступательного вовлечения Северной Кореи в интеграционные планы России и ее Дальневосточного региона» [Мишин 2016: 68—69].

Зарубежные ученые рассматривают отношения России и КНДР в исследованиях политики России в Азии [Blank 2015] и на Корейском полуострове [Park, Tan, Govindasamy 2013; Weitz 2015]. Внимание привлекают возможности Москвы оказывать влияние на Пхеньян [Kim 2012], возможные нарушения Россией санкционного режима СБ ООН [The Rise of Phantom Traders... 2018], мотивы и потенциал двусторонних связей³.

³ Snyder S.A. Where Does the Russia-North Korea Relationship Stand? // Council on Foreign Relations. April 29, 2019. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/where->

Ж. Вестерманн указывает, что решение «северокорейской проблемы» не входит в список приоритетов Москвы, а ключевые интересы России на Корейском полуострове не связаны напрямую с двусторонними отношениями с КНДР [Westermann 2018]. Э. Ринна считает, что Россия сделала выбор в пользу участия в многосторонних действиях по урегулированию ЯПКП в ущерб своим собственным (прежде всего экономическим) интересам в двусторонних отношениях с КНДР [Rinna 2019: 21].

С точки зрения попытки выстроить комплексную картину можно отметить позицию команды экспертов из Международной кризисной группы, по мнению которых на 2007 г. ни одна из существенных целей, которые ставились во время российско-северокорейского саммита 2000 г., не была выполнена: дипломатические инициативы остались на бумаге, а грандиозные проекты в области экономики так и не были реализованы. Хотя по сравнению с 1990-ми гг. влияние России в регионе усилилось, но не настолько, чтобы изменить баланс сил на Корейском полуострове [North Korea — Russia Relations... 2007].

В условиях наличия полярных точек зрения на российско-северокорейское сотрудничество авторы представленного исследования предприняли попытку выстроить иерархию приоритетов России в отношении КНДР, определяющую политику Москвы и влияющую на развитие двусторонних связей. Проведенное ранжирование ключевых интересов России в Корею позволяет оценить основные итоги прошедшего двадцатилетия и обозначить логику развития двусторонних связей.

Основные вехи, направления и результаты двусторонних отношений в 2000—2019 гг.

Первые попытки восстановить хотя бы добрососедские связи с КНДР после их резкого ухудшения в начале 1990-х гг. Россия начала предпринимать еще с 1996 г. Важным

[does-russia-north-korea-relationship-stand](https://www.cfr.org/in-brief/where-) (accessed: 25.04.2020).

результатом стало подписание в феврале 2000 г. нового межгосударственного Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в котором не было статьи об оказании военной помощи, ранее придававшей двусторонним отношениям характер военного союза. Как отметил президент России В.В. Путин, «договор отражает обоюдное стремление народов России и КНДР строить свои отношения в духе взаимного уважения и созидательного партнерства» [Торкунов, Денисов, Ли 2008: 449].

В июле 2000 г. глава Российского государства впервые в истории посетил КНДР с официальным визитом, в рамках которого в Пхеньяне была подписана Совместная декларация. Она содержала 11 пунктов и подтверждала курс на развитие двусторонних отношений в различных сферах⁴. Кроме того, в документе было зафиксировано общее видение необходимых характеристик формировавшегося в начале XXI в. глобального миропорядка: многополярность, справедливость, равноправие, снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Кроме того, стороны выразили поддержку усилий друг друга по защите своей независимости, суверенитета и территориальной целостности. Помимо встречи лидеров прошли переговоры между министрами иностранных дел, обороны и образования. Так был разрушен миф о глубокой дипломатической изоляции КНДР и о том, что разница идеологий является преградой в отношениях двух стран.

С июля 2001 г. по декабрь 2006 г. российским послом в Пхеньяне был А.Г. Карлов, который сумел установить очень теплые личные отношения с Ким Чен Ир. Так, по его инициативе лидер КНДР распорядился построить в северокорейской столице православную церковь.

В 2001 и 2002 гг. состоялись визиты Ким Чен Ира в Россию, в ходе которых он вновь

встречался с В.В. Путиным. Текст Московской декларации⁵, подписанной по итогам саммита 4 августа 2001 г., во многом схож с Пхеньянской. Стороны обязались содействовать формированию новой справедливой системы мироустройства, договорились расширять и развивать дружественные отношения на основе ранее подписанных документов. В экономической сфере стороны условились о первоочередной реализации проектов реконструкции предприятий, построенных с участием советских специалистов, в частности в электроэнергетике, и заявили, что работа по соединению корейских и российских железных дорог вступает в стадию активного осуществления. Вместе с тем вследствие отсутствия финансирования с корейской стороны инициативы по восстановлению электростанций в КНДР так и не были реализованы, а для начала практических работ по соединению железных дорог двух стран потребовалось подключение к переговорам южнокорейской стороны, так как Россия рассчитывала на осуществление многостороннего формата по созданию сухопутного транспортного моста из Азии в Европу и привлечение с его помощью на Транссиб контейнерных грузов.

В качестве перспективного направления двустороннего сотрудничества в начале XXI в. специалисты называли поставки российских вооружений в Северную Корею, даже предлагая использовать их в качестве важного рычага политического воздействия на Пхеньян. Вопросы поставки вооружений занимали одно из главных мест на двусторонних саммитах, поскольку вооруженные силы КНДР были привязаны к советским образцам военной техники и остро нуждались в новых поставках, в частности запчастей. Однако попытки получить их в кредит не увенчались успехом, так как Москва требовала отплату в твердой валюте [Чичин 2004: 190—194].

⁴ Совместная российско-корейская декларация // Президент России. 19.07.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3183> (дата обращения: 04.05.2020).

⁵ Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики // Президент России. 04.08.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3410/print> (дата обращения: 04.05.2020).

После начала второго ядерного кризиса на Корейском полуострове, разразившегося в конце 2002 г., Россия выступила с предложением о «пакетном решении», которое предусматривало политическое урегулирование северокорейской ядерной проблемы на основе многосторонних договоренностей. Эта идея в итоге получила свое воплощение в Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г. шести государств — участников переговоров в Пекине, начавшихся в 2003 г. [Торкунов, Денисов, Ли 2008: 451—452]. В отличие от 1990-х гг., когда Москва не участвовала в урегулировании первого ядерного кризиса на Корейском полуострове, в начале 2000-х гг. Россия (наряду с КНДР, США, Китаем, Японией и РК) вошла в состав участников многосторонних переговоров, причем произошло это по настоянию Пхеньяна [North Korea — Russia Relations... 2007: 8], видевшего в бывшем союзнике возможность усилить свои позиции.

Для реализации достигнутых договоренностей Россия вместе с другими партнерами взяла на себя обязательства по равному долевному участию в оказании энергетической помощи КНДР и в полной мере выполнила условия по поставкам компенсационного мазута⁶. Кроме того, в рамках шестистороннего формата Россия возглавляла рабочую группу по созданию механизма обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА), которая вела работу по подготовке руководящих принципов взаимоотношений «шестерки» государств [Кризис и новая повестка дня... 2018: 59].

Испытание северокорейцами ядерного устройства 9 октября 2006 г. привело к новому обострению ситуации. В.В. Путин прямо заявил, что эти «действия наносят ущерб нашим отношениям с КНДР». Тем не менее одну из причин решения Северной Кореи провести испытания российский лидер усмотрел в «неверной тональности на

переговорах по ядерной проблематике»⁷. При этом Россия сыграла конструктивную роль в разрешении финансовых проблем между КНДР и США, связанных со счетами в банке Delta Asia (Макао). Несмотря на то, что формально замороженные там деньги перестали считаться криминальными, ни один банк не решался их забрать и перевести в КНДР, опасаясь попасть в американский черный список. Проблему решила Россия через свои банковские структуры.

В практической области Россия пыталась извлечь выгоду от развивавшегося в 2000—2007 гг. межкорейского экономического сближения. В 2006 г. РФ, КНДР и РК объявили о начале первого этапа восстановления Транскорейской железной дороги на ее восточном направлении. Для этого была запланирована реконструкция 54-километрового участка между российской приграничной станцией Хасан и северокорейским портом Раджин. Несмотря на выход Южной Кореи из этого пилотного проекта в 2008 г., Россия и Северная Корея все же начали строительные работы. Однако в целом экономические отношения «буксовали», объем двустороннего товарооборота упал с 233 млн долл. США в 2005 г. до 49 млн долл. США в 2009 г. [Burghart, Park, Zakharova 2019: 7].

В декабре 2010 г. Россия сыграла важную роль в урегулировании кризиса, связанного с обстрелом Северной Кореей о. Ёнпхёндо 23 ноября 2010 г. С одной стороны, министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что даже если Пхеньян спровоцировали, в результате реакция КНДР повлекла за собой человеческие жертвы⁸, и сделал по этому поводу реприманд министру иностранных дел КНДР Пак Ы Чуну⁹. Однако, когда

⁷ Путин: причина ядерных испытаний КНДР в тональностях переговоров // РИА Новости. 25.10.2006. URL: <https://ria.ru/20061025/55114499.html> (дата обращения: 04.05.2020).

⁸ С. Лавров: КНДР спровоцировали, но это не оправдывает гибель людей // РБК. 25.11.2010. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2010/5703e0b79a79473c0df175a1> (дата обращения: 04.05.2020).

⁹ Москва озабочена ядерной программой Пхеньяна // ИноСМИ. 15.12.2010. URL: <https://inosmi.ru/foreast/20101215/164941385.html> (дата обращения: 04.05.2020).

⁶ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (дата обращения: 04.05.2020).

18—21 декабря 2010 г. Южная Корея собиралась провести учебные артиллерийские стрельбы в акватории Желтого моря, а Северная Корея предупредила, что в ответ нанесет еще более сильный удар, Россия созвала заседание СБ ООН, «чтобы, никого не осуждая, просто послать сигнал проявлять максимальную сдержанность»¹⁰. В результате стороны не смогли договориться даже на уровне совместного заявления, но поданный Москвой сигнал был услышан.

Следующий двусторонний саммит состоялся только в 2011 г., причем по инициативе северокорейской стороны [Толорая 2014: 85]. Ким Чен Ир посетил несколько регионов Дальнего Востока и Сибири. На переговорах северокорейского лидера с президентом России Д.А. Медведевым в Улан-Удэ обсуждался широкий круг вопросов двусторонних отношений, а также региональная проблематика, включая ЯПКП. В повестку дня были также включены проблемы реализации трехсторонних проектов экономического сотрудничества — соединения корейских железных дорог с Транссибом, строительства линии электропередачи и прокладки газопровода из Российской Федерации в Республику Корея по территории КНДР¹¹.

Главным практическим результатом саммита стало урегулирование проблемы задолженности Северной Кореи перед Россией по кредитам бывшего СССР. Эту проблему часто называли главным препятствием на пути развития экономических отношений двух стран. Однако это урегулирование, окончательно закрепленное с вступлением соответствующего закона в силу в 2014 г., не давало России каких-либо значимых преимуществ в обозримом будущем. 90 % долга (10,9 млрд долл. США) были списаны безвозвратно, а оставшийся 1 млрд долл. США в течение

20 лет должен быть переведен на счет ВЭБ РФ в Банке внешней торговли КНДР. При этом использованы данные средства могут быть только для совместных проектов в области образования, здравоохранения и энергетики на территории Северной Кореи в счет официальной помощи развитию (ОПР) со стороны России. И хотя некоторые российские чиновники говорили о возможности использования остатка долга для финансирования трехсторонних газового и железнодорожного проектов, более реалистичным представляется сценарий, когда Россия сможет списывать его небольшими частями в счет оказания КНДР помощи по линии ОПР. При этом за первые 5 лет после урегулирования проблемы задолженности не было объявлено ни об одном проекте, профинансированном за счет «долговых фондов», как не подтвердился и тезис о том, что именно эта проблема являлась главным препятствием на пути развития двусторонних экономических связей.

17 декабря 2011 г. Ким Чен Ир скончался, однако резкой смены курса при его преемнике не произошло. Не изменился и российский подход. 2 февраля 2012 г. посол России в КНДР В.Е. Сухинин в интервью «Интерфаксу» отметил, что после кончины прежнего лидера договоренности остаются в силе, включая проект строительства транскорейского газопровода¹². Новые ракетно-ядерные испытания Пхеньяна в декабре 2012 г. — феврале 2013 г., однако, вызвали осуждение Москвы и поддержку Россией антисеверокорейских санкций СБ ООН [Толорая 2014: 86], серьезно осложнив реализацию планов трехстороннего сотрудничества РФ — КНДР — РК.

Тем не менее, на двусторонней основе сотрудничество продолжалось. Совместное российско-северокорейское предприятие «РасонКонТранс» в 2013 г. закончило восстановление железной дороги на участке Хасан — Раджин, а в 2014 г. в северокорейском порту был запущен новый перегрузочный

¹⁰ Пхеньян не ответит на «безответственную провокацию» // *Russia Today*. 20.12.2010. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2010-12-20/Phenyang-ne-otvetit-na-bezotvetstvennyuyu> (дата обращения: 04.05.2020).

¹¹ История визитов лидеров КНДР в СССР и Россию // ТАСС. 24.04.2019. URL: <https://tass.ru/info/6370930> (дата обращения: 04.05.2020).

¹² КНДР живет и работает в нормальном режиме // *Интерфакс*. 02.02.2012. URL: <https://www.interfax.ru/interview/228842> (дата обращения: 05.05.2020).

терминал мощностью до 5 млн тонн [Азиатские соседи России... 2016: 123]. Через него вскоре начались отгрузки российского угля в Китай, а также были осуществлены пробные поставки угля в РК. В осуществление этого проекта компания «РЖД» инвестировала почти 300 млн долл. США [Zakharova 2016: 157].

Новый всплеск интереса Москвы к КНДР совпадает по времени с «поворотом России на Восток» и осложнением отношений с Западом в 2014 г., а также с новыми попытками федерального центра способствовать экономическому развитию регионов Дальневосточного федерального округа. В 2014 г. в ходе голосования в ООН КНДР официально обозначила свою позицию по вопросу принадлежности Крыма: когда Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины, среди стран, проголосовавших против резолюции, были КНДР, Россия, Армения и Белоруссия¹³. В течение 2014 г. Россию посетили председатель Президиума Верховного Народного Собрания (ВНС) КНДР Ким Ён Нам, министр внешней торговли КНДР Ли Рён Нам, министр иностранных дел КНДР Ли Су Ён, спецпосланник главы КНДР, член Президиума Политбюро ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК) Чхве Рён Хэ, председатель ВНС КНДР Чхве Тхэ Бэк и другие лица.

В 2014—2015 гг. Россия и КНДР существенно активизировали экономические контакты. Стороны поставили цель увеличить взаимную торговлю примерно в 10 раз — до 1 млрд долл. США к 2020 г., провели большую работу по восстановлению межбанковского взаимодействия и переходу на расчеты в рублях, стимулировали интерес российского бизнеса за счет создания более выгодных условий для работы в КНДР. В конце 2015 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области электроэнергетики [Луконин 2018: 78], свидетельствующее о глубокой взаимной заинтересованности в проектах в данной сфере.

¹³ КНДР назвала легитимным присоединение Крыма к России // РБК. 12.10.2017. URL: http://www.rbc.ru/politics/12/10/2017/59df8b1f9a794702b4d6bda2?from=materials_on_subject (дата обращения: 05.05.2020).

В то же время, несмотря на подписание в 2015 г. межправительственного Соглашения о международном автомобильном сообщении, строительство автомобильного моста из России в КНДР, за который активно выступали северные корейцы, так и не началось, поскольку Россия не видела в нем для себя особой выгоды. Переломить негативные тенденции стагнации экономических связей не удалось. По итогам 2016 г. доля России во внешнем товарообороте КНДР не смогла преодолеть рубеж в 2 %, а доля Северной Кореи в товарообороте России составила менее 0,02 % [Козлов 2018: 19], что красноречиво свидетельствовало о крайне низком уровне взаимной торговли.

В 2016—2017 гг. после ядерных испытаний и ракетных пусков Пхеньяна Россия поддержала резолюции СБ ООН, вводившие жесткие экономические санкции в отношении КНДР. Международные ограничения поставили крест на попытках России расширить торговое и инвестиционное сотрудничество с Пхеньяном по принципу «доступ к северокорейским минеральным ресурсам в обмен на российские инвестиции, товары и технологии». При этом все инициированные Вашингтоном резолюции сначала обсуждались Китаем и США и лишь потом отправлялись на согласование остальным членам Совбеза ООН, включая Россию [Кризис и новая повестка дня... 2018: 65]. У Москвы оставались считанные часы на попытки внести хоть какие-то правки и защитить свои законные интересы в КНДР, например, вывести из-под санкций проект Хасан — Раджин.

В то же время на фоне существенного обострения ситуации на Корейском полуострове и жесткой американо-северокорейской полемики, грозившей привести к вооруженному конфликту, Москва совместно с Пекином активизировала поиски политического решения. 4 июля 2017 г. в Совместном заявлении министерств иностранных дел России и Китая был представлен проект «дорожной карты» корейского урегулирования, подразумевающий:

— на первом этапе — добровольный мораторий КНДР на испытания ядерных

устройств и межконтинентальных баллистических ракет и сокращение масштабов или приостановку американо-южнокорейских учений;

— на втором — заключение двусторонних соглашений между КНДР и США, КНДР и РК об общих принципах взаимоотношений;

— на третьем — старт многосторонних переговоров с целью формирования системы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии¹⁴.

20 октября 2017 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин заявил, что решать ситуацию вокруг КНДР нужно путем диалога, а не угрожать применением силы или загонять Северную Корею в угол. При этом президент России подтвердил, что Российская Федерация «безусловно осуждает» проводимые Пхеньяном ядерные испытания и полностью выполняет решения, принятые в рамках СБ ООН¹⁵.

2018 г. ознаменовался «дипломатическим наступлением» КНДР, увенчавшимся межкорейскими саммитами, китайско-северокорейскими встречами на высшем уровне, а также первым в истории саммитом лидеров Северной Кореи и США. Оживился и российско-северокорейский диалог, включавший обмены на высоком уровне и заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Сотрудничество в области региональной безопасности вышло на новый уровень в октябре 2018 г., когда в Москве прошли трехсторонние консультации замминистров иностранных дел России, Китая и КНДР. В принятом по итогам совместном заявлении подчеркивалась безальтернативность мирного

¹⁴ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (дата обращения: 05.05.2020).

¹⁵ В. Путин: решать проблему нужно путём диалога, а не загонять СК в угол // Международное радио Кореи. 20.10.2017. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=50292&id=In (дата обращения: 05.05.2020).

политико-дипломатического урегулирования всего комплекса проблем Корейского полуострова. Подтверждалось намерение сторон к денуклеаризации Корейского полуострова и созданию там механизмов мира, которые должны осуществляться поэтапно и «сопровождаться встречными шагами вовлеченных государств». Таким образом, Москва и Пекин вновь обозначили свою поддержку пхеньянского пошагового подхода к решению ядерной проблемы (президент США Д. Трамп же изначально предлагал Ким Чен Ёну свой вариант «большой сделки» по принципу «все на все»). Кроме того, в ответ на предпринятые в 2018 г. Северной Кореей «важные шаги в направлении денуклеаризации» представители трех стран объявили необходимым приступить к пересмотру Советом Безопасности ООН санкционных мер в отношении КНДР¹⁶. Россия попыталась поднять вопрос ослабления санкций в СБ ООН, но этот призыв не был поддержан.

Немаловажной сферой двусторонних отношений в XXI в. стало оказание гуманитарной помощи КНДР со стороны России. Эта помощь осуществляется как на двусторонней основе, так и через международные организации (в частности через Всемирную продовольственную программу и Детский фонд ООН). Помощь активизируется в чрезвычайных ситуациях (тайфун Лайонрок, например, или пандемия коронавируса) и бывает приурочена к важным событиям в двусторонних отношениях. В 2019 г. Россия оказалась одним из главных доноров гуманитарной помощи Северной Корее, идущей по каналам организаций ООН¹⁷.

¹⁶ Совместное информационное коммюнике о трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики // МИД России. 10.10.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3370331 (дата обращения: 05.05.2020).

¹⁷ Согласно обнародованной Управлением координации гуманитарных вопросов ООН статистике, на закупки гуманитарной помощи для КНДР через ООН было пожертвовано 7,4 млн долл. США, из которых 4 млн, или 54 % от общей суммы внесла Россия

Когда в 2018 г. проходили саммиты КНДР с Китаем, РК и США, некоторые эксперты стали говорить о том, что Россия оказалась на задворках «мирного наступления» Ким Чен Ына. В то же время часть российских специалистов предвидела скорый тупик переговоров КНДР и США из-за слишком разных подходов к денуклеаризации Корейского полуострова (позападность Ким Чен Ына против «большой сделки» Д. Трампа), что и проявилось в феврале 2019 г. на второй встрече двух лидеров в Ханое. Москва выждала, пока северокорейцы зайдут в тупик в переговорах с американцами и сами устремятся к России в поисках обходных путей по достижению своих внешнеполитических целей, одна из которых — ослабление санкций, препятствующих экономическому развитию КНДР¹⁸.

24—26 апреля 2019 г. состоялся первый визит Ким Чен Ына в Россию, в ходе которого во Владивостоке прошла его встреча с президентом России В.В. Путиным. По итогам саммита не было подписано никаких совместных документов. Точные детали переговоров неизвестны, но тематику обсуждения в расширенном составе можно понять по составу участников с российской стороны: вице-премьер Ю.П. Трутнев, министр иностранных дел С.В. Лавров, министр транспорта Е.И. Дитрих, министр по развитию Дальнего Востока А.А. Козлов, президент РЖД О.В. Белозёров, заместитель министра энергетики А.Б. Яновский¹⁹. Как прокомментировало переговоры Центральное

телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), «стороны согласились предпринять активные меры в различных областях, чтобы продвинуть на более высокий уровень взаимовыгодные торгово-экономические отношения между двумя странами и еще более активизировать работу межправительственной российско-корейской комиссии по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству»²⁰. По окончании переговоров В.В. Путин отметил, что считает необходимым предоставить Пхеньяну международные гарантии безопасности в рамках усилий по денуклеаризации и установлению прочного мира на Корейском полуострове, а также заявил о важности трехсторонних экономических проектов с участием двух Корей и России²¹.

В ходе российско-северокорейского саммита во Владивостоке была достигнута договоренность о проведении двустороннего стратегического диалога на уровне первых заместителей министров иностранных дел В.Г. Титова и Цой Сон Хи. Их первая встреча состоялась 20 ноября 2019 г. в Москве. Стороны констатировали высокую динамику политических контактов и обменов, подробно обсудили состояние и перспективы развития двустороннего взаимодействия, уделив отдельное внимание сотрудничеству в практических областях²².

В июне 2019 г. Пхеньян посетил российский министр по развитию Дальнего Востока и Арктики А.А. Козлов, а в начале сентября 2019 г. делегация КНДР во главе с вице-премьером кабинета министров Ли Рён Намом приняла участие в работе 5-го Восточного

(Кирьянов О. Россия оказала Северной Корее рекордную гуманитарную помощь // Российская газета. 02.05.2019. URL: <https://rg.ru/2019/05/02/rossiia-okazala-severnoj-koree-rekordnuiu-gumanitarnuiu-pomoshch.html> (дата обращения: 05.05.2020)).

¹⁸ Захарова Л. Трамп, Ким, Путин. Почему так важен визит лидера КНДР во Владивосток? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.04.2019. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-kim-putin/> (дата обращения: 05.05.2020).

¹⁹ Лидеры КНДР и России обсудили вопросы развития двусторонних отношений и денуклеаризации Корейского полуострова // Международное радио Кореи. 25.04.2019. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=57342 (дата обращения: 05.05.2020).

²⁰ ЦТАК раскрыл детали переговоров Путина и Ким Чен Ына // РБК. 26.04.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/04/2019/5cc232b79a794789d2f42d4c> (дата обращения: 05.05.2020).

²¹ Президент РК призвал предоставить КНДР многосторонние гарантии безопасности // Международное радио Кореи. 25.04.2019. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=57345 (дата обращения: 05.05.2020).

²² О первом раунде стратегического диалога между Россией и КНДР // МИД России. 20.11.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAP/content/id/3907427 (дата обращения: 05.05.2020).

экономического форума во Владивостоке. Однако попытки оживить экономические связи после саммита не увенчались особым успехом, хотя стороны и активизировали переговоры в этой области. Во исполнение резолюции СБ ООН № 2397 Россия приняла меры по возвращению северокорейских рабочих на родину к 22 декабря 2019 г. И хотя не все успели выехать к установленному дедлайну по логистическим причинам²³, МИД России настаивает на том, что при первой возможности международные обязательства будут выполнены Москвой в полном объеме. Одновременно с сокращением сотрудничества в области найма рабочей силы, судя по статистике миграционного учета МВД России, в 2019 г. в стране существенно увеличилось количество северокорейских туристов и студентов²⁴.

Приоритеты российской политики на корейском направлении

Эволюцию официальной позиции России в отношении КНДР можно отследить по содержанию Концепции внешней политики РФ, которая за рассматриваемый период менялась четыре раза. В Концепции 2000 г.²⁵ Корейский полуостров, хотя и не был выделен в отдельный абзац, рассматривается как наиболее проблемный регион Азии. Уже здесь подчеркивается как равноориентированная политика, так и желание России (в отличие от 1990-х гг.) принимать участие в разрешении проблемы наравне с иными странами региона, что в итоге проявилось в участии Москвы в шестисторонних переговорах по ЯПКП.

²³ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой // МИД России. 23.01.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4004544 (дата обращения: 05.05.2020).

²⁴ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 г. с распределением по странам мира // МВД России. 22.01.2020. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // Консорциум КОДЕКС. 28.06.2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 05.05.2020).

Концепция 2008 г.²⁶ описывает ситуацию похоже, а первые строки почти идентичны предыдущему варианту, однако обстановка на полуострове уже не вызывает наибольшую озабоченность (несмотря на то, что КНДР провела ядерное испытание в 2006 г.), подчеркивается настрой на политическое решение ЯПКП и поощрение межкорейского диалога. Отношения с обоими государствами названы конструктивными, а Север, пусть и по традиции, указан в тексте перед Югом.

В документе 2013 г.²⁷, несмотря на формальное ухудшение ситуации вокруг КНДР, озабоченность, выражавшаяся в первых строках документа, была снята. Налицо абзац, посвященный именно Корею. Примечательно выдвигание на первый план задач регионального развития (связанное с усилением внимания Москвы к развитию Дальнего Востока), а также акцент на расширение экономических взаимосвязей как гаранта безопасности в регионе (явная отсылка к неолиберальным теориям международных отношений, предполагающим снижение конфликтного потенциала за счет углубления экономического сотрудничества). Проблема ЯПКП упоминается уже в заключительной части, и подчеркнуто содействие ООН (шестисторонний формат сопровождается формулировкой «в том числе»), а статус отношений Москвы с Пхеньяном и Сеулом обозначен как вышедший на новый уровень. При этом абзац, посвященный Корею, опережал части, посвященные Японии и Монголии.

Последняя по времени Концепция внешней политики 2016 г.²⁸ содержит посвященный Корею абзац, который упоминается

²⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 15.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Гарант. 20.02.2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁸ Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант. 05.12.2016. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 05.05.2020).

в тексте после Монголии и Японии, но его тон остался прежним. Отношения с двумя корейскими государствами были названы традиционно дружественными, в повестку снова вернулись шестисторонние переговоры, а в дополнении был отмечен факт наличия напряженности на полуострове, пусть и в контексте необходимости ее снижения.

Таким образом, в 2010-е гг. корейское направление четко выделилось в отдельный (пусть и далеко не первый) пункт внешнеполитической деятельности России. В качестве основных приоритетов на полуострове можно выделить поддержание сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами, укрепление безопасности в регионе СВА, поддержание межкорейского диалога, региональное экономическое сотрудничество.

Если же попытаться отдельно выделить приоритеты России в отношении КНДР и выстроить их иерархию, то, по мнению авторов статьи, эта иерархия выглядит следующим образом.

На первом месте по важности находятся вопросы приграничной стабильности. Российский Дальний Восток сегодня сталкивается с рядом проблем развития, преодоление которых требует спокойной обстановки. В глобальном плане на российских границах Москве не выгодно ни военный конфликт, ни гуманитарная катастрофа, ни «еще бóльшая Республика Корея». Последнее чревато как возникновением «восточного фланга НАТО», так и ростом претензий к России на волне нового национализма. Поэтому Россия стремится сохранять статус-кво, по возможности (без ущерба для себя) способствуя экономическому развитию Северной Кореи.

Что же до ЯПКП, то Москву волнует не ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна как таковой, а его возможные последствия: наличие четкое понимание, что он не направлен против России. При этом Москва не может позволить себе самоустраниться от участия в урегулировании непростой ситуации на Корейском полуострове хотя бы потому, что иначе решение проблем на непосредственной границе России будет проходить без ее участия, а итог этого решения может

существенно навредить российским национальным интересам.

На втором месте — соблюдение Россией своих международных обязательств, отказ от которых может негативно отразиться на позициях страны на мировой арене и в других регионах. Россия не раз указывала, что не приемлет ядерный статус КНДР и ее ракетно-ядерные амбиции, так как это противоречит интересам стратегической стабильности и может способствовать разрушению международного режима ядерного нераспространения [Денисов, Пятачкова 2019: 90]. Москва выступает за безъядерный Корейский полуостров, но методы и процесс достижения этого не должны повлечь за собой серьезные нарушения региональной стабильности.

К этой группе приоритетов относится и соблюдение Россией санкций СБ ООН, ради чего даже пришлось пожертвовать весьма выгодным для российских регионов сотрудничеством по линии привлечения северокорейских рабочих. При этом Москва выступает принципиально против дополнительных односторонних санкций против КНДР и уже несколько раз выступала с предложениями в СБ ООН об ослаблении экономических ограничений в отношении Северной Кореи.

На третьем месте — защита российских экономических интересов в регионе, которых на самом деле немного, так как у большинства экономических проектов есть политическая подоплека. В целом сложно не согласиться с мнением С.А. Луконина о том, что у России не выработана государственная стратегия экономического сотрудничества с КНДР [Луконин 2018: 78]. В связи с этим политически мотивированная активизация экономических контактов часто довольно быстро сходит на нет, как только начинается просчитывание реальных выгод и рисков на ближайшую перспективу. Сюда же можно отнести и иные локальные проблемы, которые решаются в рабочем порядке, например, браконьерство северокорейских рыбаков у российского побережья.

Еще одним важным моментом для Москвы является необходимость проводить в отношении КНДР политику, которая

помогала бы сохранять добрососедские отношения с Северной Кореей, не позволяя при этом ассоциировать «тоталитарный режим Кимов» со стилем правления в России, а также не возбуждая негодование жителей Тихоокеанской России сколь-либо значимыми экономическими уступками Пхеньяну.

Что касается вопроса периодизации, то, в отличие от ситуации 1990—2000 гг., сложно говорить об отдельных периодах российско-северокорейских отношений в 2000—2019 гг., в которых менялся бы главный тренд. Колебания присутствуют «в пределах нормы»: новые ядерные испытания или ракетные пуски несколько охлаждают отношения, позитивные изменения региональной обстановки или, например, поддержка Северной Кореей российской позиции по Крыму, наоборот, восстанавливают. То, что Россия вводит санкции против КНДР во исполнение резолюций СБ ООН, само по себе не является знаком смены тренда. Таковым были бы дополнительные, односторонние санкции, которых нет. Напротив, есть стремление ослабить международные санкции, чтобы не допустить существенного ухудшения экономической ситуации в КНДР.

Заключение

Итоги любой политики можно оценивать формально, анализируя, насколько решены озвученные официально задачи, однако вопрос о том, всегда ли программные документы отражают реальные помыслы политиков, остается дискуссионным. Кроме того, важно учитывать принципиальную ограниченность возможностей России на Корейском полуострове.

Во-первых, несмотря на наличие общей границы с КНДР, в списке внешнеполитических приоритетов России Корея находится после стран СНГ и Ближнего Востока.

Во-вторых, нет существенных рычагов влияния Москвы на Пхеньян. Курс Б.Н. Ельцина на разрыв всяких связей с КНДР лишил Россию, например, возможности задействования экономических рычагов, которые успешно использует Китай в своих отношениях с Северной Кореей. В последнее время

эти ограниченные возможности пытаются превратить из минуса в плюс. То, что Россия «не пытается учить Пхеньян жить», дает Москве определенное благоприятствование. Но это, скорее, гарантия того, что данный формат двустороннего взаимодействия может существовать долго без серьезных кризисов.

В отличие от отношений КНДР и КНР, где тема общности двух социалистических стран и братской дружбы партий упоминается постоянно, российско-северокорейские отношения никогда не были окрашены в идеологические тона. Откровенные симпатизанты КНДР не встречаются в политическом мейнстриме, где за таких скорее принимают тех, кто не разделяет западный дискурс в отношении Северной Кореи как страны-изгоя. При этом антипхеньянские высказывания ряда чиновников нечасто, но встречаются.

Несмотря на масштабы и формы торгового и инвестиционного сотрудничества, а также объемы гуманитарной помощи, направляемые Россией в КНДР, нельзя утверждать, что Москва снабжает Северную Корею деньгами и товарами себе в убыток. Даже списание многомиллиардного долга — это не столько безосновательная уступка, сколько «отцепление гири». Вряд ли было бы возможно добиться возврата этих средств. В то же время реальные проблемы двусторонних отношений, такие как деятельность северокорейских браконьеров в прибрежных водах Приморья или неполностью обоснованные досмотры российских судов в северокорейских портах, не скрываются и «не замечаются под ковер», — наоборот, в их озвучивании принимает самое активное участие посол России в КНДР.

Таким образом, речь идет не о «дружбе за», а о «дружбе против», обусловленной общими политическими противниками. Периоды потепления отношений с КНДР коррелируют с общим политическим вектором Москвы на отказ от следования «атлантическому пути» и его повестке.

Однако полностью отрешиться от установленного после Второй мировой войны мирового порядка невозможно, особенно в той его части, которая касается монополии

«Большой пятерки» на ядерное оружие и использование механизмов ООН как в некоторой степени формального всеобщего арбитра. Поэтому в тех случаях, когда возникает противоречие между интересами КНДР и международного сообщества, Россия солидаризируется с последним. При этом давление нередко пытаются смягчить или сделать соразмерным северокорейскому поведению, но сама концепция давления в ответ на желание ядерного статуса сомнению не подвергается.

Со времени визита В.В. Путина в Пхеньян в 2000 г. радикальных изменений в российско-северокорейских отношениях не наблюдается. Общая динамика в целом укладывается в рамки схемы: «усилия по развитию двусторонних связей — обострение ЯПКП — РФ солидаризируется с международным сообществом — со временем напряженность ослабевает — выход на следующий круг».

По линии обеспечения безопасности — с одной стороны, де-факто КНДР стала членом ядерного клуба, а с другой — не без активных стараний России урегулирование ЯПКП идет политико-дипломатическим путем. Минимум два раза Россия вносила незаметный на первый взгляд, но очень существенный вклад в разрешение кризисной ситуации — помощь в переводе денег со счетов банка Delta Asia в 2006 г. и созыв СБ ООН, который предотвратил эскалацию событий после обстрела о. Ёнпхёндо в 2010 г.

Заявления Совместной декларации 2000 г. носят достаточно общий характер, но отхода от этих пунктов не обнаружено. Тренд на желание «углубить сотрудничество» сохраняется, несмотря на санкции и иные объективные и субъективные препятствия. Хотя нынешний северокорейский лидер Ким Чен Ын не является таким «человеком русской культуры», как его отец, это не осложнило взаимодействие двух стран, в основе которого лежит прагматизм. Двусторонняя торговля продолжается, хотя и в незначительном объеме при соблюдении Москвой введенных по линии СБ ООН ограничений. По официальным данным за 2019 г., РФ стала главным поставщиком

нефтепродуктов в КНДР²⁹, что говорит о значимости для Пхеньяна торговых отношений с Россией. До вступления в действие запрета СБ ООН на экспорт рабочей силы из КНДР активно развивалось сотрудничество по линии привлечения северокорейских трудовых мигрантов для работы в России.

В то же время крупные экономические проекты, особенно трехсторонние, на современном этапе — это даже уже не «журавль в небе», учитывая масштабы действующих против КНДР международных санкций. Там, где у Москвы была возможность принять участие в экономически целесообразном и политически обоснованном проекте, хотя и с долгим периодом окупаемости, а именно — транспортно-логистическом проекте Хасан — Раджин, российская государственная компания «РЖД» эту возможность реализовала. При этом вопрос, удастся ли компенсировать хотя бы вложенные инвестиции за счет прибыли от функционирования проекта, пока остается открытым.

Подводя итог, можно констатировать, что стратегические цели России в отношениях с КНДР (такие, как мир и безопасность в СВА) пока не достигнуты, а основные тактические (приграничная стабильность) — в целом реализованы, хотя и с ущербом для менее значимых приоритетов (например, пришлось пожертвовать северокорейскими рабочими на Дальнем Востоке и не получилось воспользоваться возможностями по сохранению влияния российских технологий в экономике КНДР). При этом, по словам посла России в КНДР А.И. Мацегоры, «российско-северокорейское сотрудничество предопределено непоколебимыми геополитическими факторами и глубокими историческими традициями»³⁰. В целом отношения

²⁹ Supply, Sale or Transfer of All Refined Petroleum Products to the DPRK // United Nations Security Council. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718/supply-sale-or-transfer-of-all-refined-petroleum> (accessed: 05.05.2020).

³⁰ Корейская Народно-Демократическая Республика // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kp/?currentpage=main-country> (дата обращения: 05.05.2020).

двух стран можно смело охарактеризовать как добрососедские. До уровня партнерства, предполагающего больший уровень взаимной вовлеченности, еще далеко, хотя начало двустороннего «стратегического диалога» в 2019 г. может свидетельствовать об

увеличении значимости России для внешней политики КНДР в условиях очень серьезной экономической зависимости от Китая и тупика в улучшении отношений с США, РК и Японией.

Поступила в редакцию / Received: 12.05.2020

Принята к публикации / Accepted: 22.07.2020

Библиографический список

- Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде* / под общ. ред. Г.Д. Толорая. М.: Дашков и Ко, 2016.
- Воронцов А.В.* Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2002. № 3. С. 46—58.
- Денисов В.И.* Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации // *Ежегодник ИМИ*. 2015. Вып. 1 (11). С. 39—49.
- Денисов В.И., Пятачкова А.С.* Будущее Корейского полуострова: актуальные проблемы и возможные решения // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 1. С. 86—101. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-86-101
- Дьячков И.В.* Ядерная проблема Корейского полуострова в 2019 г.: вызовы для региона и России // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. Т. 25. № 184. С. 201—208. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-184-201-208
- Жебин А.З.* Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 1. С. 2—9.
- Жебин А.З.* Ситуация на Корейском полуострове и интересы России // *Корейский полуостров и вызовы глобализации: доклады, представленные на X научной конференции корееведов России и стран СНГ*, Москва, 29–30 марта 2006 г. / отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 28—35.
- Забровская Л.В.* Характер и основные направления политики России в отношении КНДР после завершения «холодной войны»: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
- Козлов Л.Е.* Фактор КНДР в экономическом развитии Дальнего Востока России // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 4. С. 18—24. DOI: 10.7868/S0321507518040037
- Корейское урегулирование и интересы России* / под ред. В.И. Денисова, А.З. Жебина. М.: Русская Панорама, 2008.
- Кризис и новая повестка дня для Корейского полуострова и региональных держав* / под ред. В.В. Михеева, А.Н. Федоровского. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
- Кукла М.П.* Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 61—71.
- Кунадзе Г.Ф.* Политика России в отношении КНДР // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 12. С. 36—41.
- Лешаков П.С.* Роль России в политике экономического вовлечения КНДР // *Корея: новые горизонты: доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ*, г. Москва, 29—30 марта 2005 г. / отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 201—208.
- Лукин А.Л.* Россия и северокорейский ядерный кризис // *Известия Восточного института*. 2017. № 2 (34). С. 59—67. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-2/59-67
- Луконин С.А.* Перспективы развития экономического сотрудничества Российской Федерации с Корейской Народно-Демократической Республикой // *Инновации и инвестиции*. 2018. № 8. С. 77—81.
- Мацегора А.И.* Современная политика России на Корейском полуострове // *Корея: уроки истории и вызовы современности: доклады, представленные на XVII научной конференции корееведов России и стран СНГ* / отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 12—17.
- Михеев В.В.* Будущее КНДР в свете новой международной ситуации // *Корейский полуостров и вызовы XXI в.: доклады, представленные на научной конференции корееведов* / отв. ред. В.П. Ткаченко. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 21—23.
- Мишин В.Ю.* Россия — КНДР: взаимный поиск путей интеграции. Возможности и перспективы // *Россия и АТР*. 2016. № 2 (92). С. 62—71.

- Неспокойное соседство. Проблемы Корейского полуострова и вызовы для России* / под ред. Г.Д. Толорая. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Панкина И.Ю.* Торгово-экономические отношения между Россией и КНДР // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2009. № 5. С. 168—170.
- Суслина С.С.* Экономическое влияние России на РК и КНДР в свете процессов интеграции в Северо-Восточной Азии // *Корейский полуостров и вызовы глобализации: доклады, представленные на X научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 29—30 марта 2006 г.* / отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 114—126.
- Титаренко М.Л.* О российской политике в отношении КНДР // *Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность* / отв. ред. Р.В. Савельев. Ч. 2. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 80—93.
- Ткаченко В.П.* Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература РАН, 2000.
- Толорая Г.Д.* Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4 (37). С. 82—91.
- Толорая Г.Д., Яковлева Л.Н.* Отношения Российской Федерации с КНДР. Три десятилетия, четыре этапа // *КНДР и РК — 70 лет* / отв. ред. А.З. Жебин, Е.У. Ким, Л.В. Захарова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 33—48.
- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Тригубенко М.Е., Нгуен К.Х.* Россия возвращается в КНДР: торгово-экономическое сотрудничество вчера и сегодня. Потенциал возможностей для развития // *Экономика и управление*. 2019. № 5 (163). С. 28—33.
- Федоровский А.Н.* Корейский кризис и региональные процессы в Северо-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 1. С. 46—55. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-46-55
- Чичин Д.В.* Основные направления военного сотрудничества России с Республикой Корея и КНДР в 1990—2000 гг. // *Вопросы истории Кореи, 2004* / под ред. С.О. Курбанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 171—197.
- Шарафетдинова А.И.* Сотрудничество России и КНДР в области привлечения трудовых ресурсов в условиях международных санкций // *Корея перед новыми вызовами* / под общ. ред. А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 312—322.
- Blank S.* Russia and the Two Koreas in the Context of Moscow's Asian Policy // *Academic Papers Series*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America. 2015. September. P. 60—76.
- Burghart S., Park D., Zakharova L.* The DPRK's Economic Exchanges with Russia and the EU since 2000: An Analysis of Institutional Effects and the Case of the Russian Far East // *Asia Europe Journal*. 2019. P. 1—23. DOI: 10.1007/s10308-019-00544-4
- Kim D.J.* Russian Influence on North Korea: Views of Former South Korean Ambassadors to Russia // *Korean Journal of Defense Analysis*. 2012. Vol. 24. No. 3. P. 391—404.
- Lukin A. et al.* Nuclear Weapons and Russian–North Korean Relations. Foreign Policy Research Institute, Philadelphia, 2017. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2017/11/NuclearWeaponsRussiaDPRKDec2017.pdf> (accessed: 02.05.2020).
- North Korea — Russia Relations: A Strained Friendship* // *Asia Briefing*. 2007. No. 71. Seoul/Brussels: International Crisis Group, December 4, 2007. URL: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b71-north-korea-russia-relations-a-strained-friendship.pdf> (accessed: 02.04.2020).
- Park C.K., Tan E., Govindasamy G.* The Revival of Russia's Role on the Korean Peninsula // *Asian Perspective*. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 125—147. DOI: 10.1353/apr.2013.0007
- Rinna A.V.* Sanctions, Security and Regional Development in Russia's Policies toward North Korea // *Asian International Studies Review*. 2019. Vol. 20. No. 1. P. 21—37.
- Strategic Global Forecast to 2030* / Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2013.
- Streltsov D., Kireeva A., Dyachkov I.* Russia's View on the International Security in Northeast Asia // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2018. Vol. 30. No. 1. P. 115—134.
- The Rise of Phantom Traders: Russian Oil Exports to North Korea* // *Asan Report*. The Asan Institute for Policy Studies, July 2018. URL: <http://en.asaninst.org/contents/the-rise-of-phantom-traders-russian-oil-exports-to-north-korea/> (accessed: 02.04.2020).
- Toloraya G.* Russia and North Korea: Ten Years Later // *The Future of North Korea* / Ed. by T. Akaha. London, NY: Routledge, 2002. P. 147—156.
- Toloraya G., Vorontsov A.* Russia's Turn to the East Policy: Role of Northeast Asia and the Korean peninsula // *International Journal of Korean Unification Studies*. 2015. Vol. 24. No. 3. P. 31—66.

- Weitz R. Russian Policy toward North Korea: Steadfast and Changing // *Korean Unification Studies*. 2015. Vol. 24. No. 3. P. 1—30.
- Westermann J. Putin and North Korea: Exploring Russian Interests around the Peninsula // *Strategic Insights*. Australian Strategic Policy Institute, 2018.
- Zabrovskaya L. Economic Contacts between the DPRK and the Russian Far East: 1992—2005 // *International Journal of Korean Unification Studies*. 2006. Vol. 15. No. 2. P. 95—111.
- Zakharova L. Economic Cooperation between Russia and North Korea: New Goals and New Approaches // *Journal of Eurasian Studies*. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 151—161.

References

- Blank, S. (2015). Russia and the Two Koreas in the Context of Moscow's Asian Policy. *Academic Papers Series*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America, September, 60—76.
- Burghart, S., Park, D. & Zakharova, L. (2019). The DPRK's Economic Exchanges with Russia and the EU since 2000: An Analysis of Institutional Effects and the Case of the Russian Far East. *Asia Europe Journal*, 1—23. DOI: 10.1007/s10308-019-00544-4
- Chichin, D.V. (2004). Main Directions of Military Cooperation between Russia, the Republic of Korea, and the DPRK in 1990—2000s. In: Kurbanov, S.O. (Eds.). *Issues of the Korean History, 2004*. Saint-Petersburg: Izdvo SPbGU publ. P. 171—197. (In Russian).
- Denisov, V.I. & Pyatachkova, A.S. (2019). The Future of the Korean Peninsula: Topical Issues and Possible Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12 (1), 86—101. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-86-101. (In Russian).
- Denisov, V.I. & Zhebin, A.Z. (Eds.). (2008). *Korean Settlement and Russia's Interests*. Moscow: Russkaya panorama publ. (In Russian).
- Denisov, V.I. (2015). Russia and the Korean Peninsula in the New International Situation. *IMI Yearbook*, 11 (1), 39—49. (In Russian).
- Dyachkov, I.V. (2020). Korean Nuclear Problem in 2019: Challenges for the Region and for Russia. *Tambov University Review: Series Humanities*, 25 (184), 201—208. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-184-201-208. (In Russian).
- Dynkin, A.A. (Eds.). (2013). *Strategic Global Forecast to 2030*. Moscow: Magistr publ.
- Fedorovsky, A. (2020). Korean Crisis and Regional Processes in Northeast Asia. *World Economy and International Relations*, 64 (1), 46—55. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-46-55. (In Russian).
- Kim, D.J. (2012). Russian Influence on North Korea: Views of Former South Korean Ambassadors to Russia. *The Korean Journal of Defense Analysis*, 24 (3), 391—404.
- Kozlov, L.E. (2018). Factor of the DPRK in the Economic Development of the Russian Far East. *Asia and Africa Today*, 4, 18—24. DOI: 10.7868/S0321507518040037. (In Russian).
- Kukla, M.P. (2017). Realities and Prospects of the Russia — North Korea Economic Relations. *Ojkumena. Regional Researches*, 2, 61—71. (In Russian).
- Kunadze, G.F. (1999). Russian Policy towards the DPRK. *World Economy and International Relations*, 12, 36—41. (In Russian).
- Leshakov, P.S. (2005). Russia's Role in the Policy of Economic Engagement of the DPRK. In: Zhebin, A.Z. (Eds.). *Korea: New Horizons: reports presented at the IX Scientific Conference of Korean Studies in Russia and CIS countries*, Moscow, March 29—30, 2005. Moscow: IDV RAN publ. P. 201—208. (In Russian).
- Lukin, A. et al. (2017). *Nuclear Weapons and Russian-North Korean Relations*. Foreign Policy Research Institute, Philadelphia. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2017/11/NuclearWeaponsRussiaDPRKDec2017.pdf> (accessed: 02.05.2020).
- Lukin, A.L. (2017). Russia and the North Korea Nuclear Crisis. *Oriental Institute Journal*, 34 (2), 59—67. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-2/59-67. (In Russian).
- Lukonin, S.A. (2018). Prospects of the Economic Cooperation of the Russian Federation with the Democratic People's Republic of Korea. *Innovazii i Investizii*, 8, 77—81. (In Russian).
- Matsegora, A.I. (2014). The Korean Peninsula in Russia's Policy. In: Zhebin, A.Z. (Eds.). *Korea: History Lessons and Modern Challenges: reports presented at the XVII scientific conference of Korean studies in Russia and the CIS*. Moscow: IDV RAN publ. P. 12—17. (In Russian).
- Mikheev, V.V. (2003). The Future of the DPRK in the Light of the New International Situation. In: Tkachenko, V.P. (Eds.). *Korean Peninsula and Challenges of the 21st Century: reports presented at the Korean scientific conference*. Moscow: IDV RAN publ. P. 21—23. (In Russian).

- Mikheev, V.V. & Fedorovsky, A.N. (Eds.). (2018). *Crisis and New Political Agenda for the Korean Peninsula and the Regional Powers*. Moscow: IMEMO RAN publ. (In Russian).
- Mishin, V.Y. (2016). Russia — North Korea: Mutual Search of Integration Paths. Possibilities and Prospects. *Russia and the Pacific*, 92 (2), 62—71. (In Russian).
- North Korea — Russia Relations: A Strained Friendship. (2007). *Asia Briefing*, 71. Seoul/Brussels: International Crisis Group, December 4. URL: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b71-north-korea-russia-relations-a-strained-friendship.pdf> (accessed: 02.04.2020).
- Pankina, I.Y. (2009). Trade and Economic Relations between Russia and the DPRK. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost*, 5, 168—170. (In Russian).
- Park, C.K., Tan, E. & Govindasamy, G. (2013). The Revival of Russia's Role on the Korean Peninsula. *Asian Perspective*, 3 (1), 125—147. DOI: 10.1353/apr.2013.0007
- Rinna, A.V. (2019). Sanctions, Security and Regional Development in Russia's Policies toward North Korea. *Asian International Studies Review*, 20 (1), 21—37.
- Sharafetdinova, A.I. (2017). Cooperation between Russia and the DPRK in Attracting Labor Resources amid Tightening International Sanctions. In: Zhebin, A.Z. (Eds.). *Korea Faces New Challenges*. Moscow: IDV RAN publ. P. 312—322. (In Russian).
- Streltsov, D., Kireeva, A. & Dyachkov, I. (2018). Russia's View on the International Security in Northeast Asia. *The Korean Journal of Defense Analysis*, 30 (1), 115—134.
- Suslina, S.S. (2006). Russia's Economic Impact on the Republic of Korea and the DPRK in the Light of Integration Processes in Northeast Asia. In: Zhebin, A.Z. (Eds.). *Korean Peninsula and Challenges of Globalization: reports presented at the X Scientific Conference of Korean Studies in Russia and the CIS*, Moscow, March 29—30, 2006. Moscow: IDV RAN publ. P. 114—126. (In Russian).
- The Rise of Phantom Traders: Russian Oil Exports to North Korea. (2018). *Asan Report*. The Asan Institute for Policy Studies, July. URL: <http://en.asaninst.org/contents/the-rise-of-phantom-traders-russian-oil-exports-to-north-korea/> (accessed: 02.04.2020).
- Titarenko, M.L. (2001). On Russia's Policy towards the DPRK. In: Savelyev, R.V. (Eds.). *Korean Peninsula: Myths, Expectations, and Reality*. Vol. 2. Moscow: IDV RAN publ. P. 80—93. (In Russian).
- Tkachenko, V.P. (2000). *Korean Peninsula and Russia's Interests*. Moscow: Vostochnaya literature RAN publ. (In Russian).
- Toloraya, G. & Vorontsov, A. (2015). Russia's Turn to the East Policy: Role of Northeast Asia and the Korean peninsula. *International Journal of Korean Unification Studies*, 24 (3), 31—66.
- Toloraya, G. (2002). Russia and North Korea: Ten Years Later. In: Akaha, T. (Eds.). *The Future of North Korea*. London, NY: Routledge. P. 147—156.
- Toloraya, G.D. & Yakovleva, L.N. (2018). Russia — North Korea Relations: Three Decades, Four Stages. In: Zhebin, A.Z., Kim, E.U. & Zakharova, L.V. (Eds.). *The DPRK and the ROK: the 70th Anniversary of Foundation*. Moscow: IDV RAN publ. P. 33—48. (In Russian).
- Toloraya, G.D. (2014). Russia and the Issues of the Korean Peninsula. *MGIMO Review of International Relations*, 4 (37), 82—91. (In Russian).
- Toloraya, G.D. (Eds.). (2015). *Uneasy Neighborhood. Problems of the Korean Peninsula and Challenges to Russia*. Moscow: MGIMO-Universitet publ. (In Russian).
- Toloraya, G.D. (Eds.). (2016). *Asian Neighbors of Russia: Interaction in a Regional Environment*. Moscow: Dashkov and Co publ. (In Russian).
- Torkunov, A.V., Denisov, V.I. & Li, V.F. (2008). *Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-War History*. Moscow: OLMA Media Group publ. (In Russian).
- Trigubenko, M.E. & Nguyen, K.H. (2019). Russia Returns to North Korea: Trade and Economic Cooperation Yesterday and Today. Potential Development Opportunities. *Economics and Management*, 163 (5), 28—33. (In Russian).
- Vorontsov, A.V. (2002). Russia and the Korean Peninsula: Current Situation and Prospects. *Far Eastern Affairs*, 24 (3), 46—58. (In Russian).
- Weitz, R. (2015). Russian Policy toward North Korea: Steadfast and Changing. *Korean Unification Studies*, 24 (3), 1—30.
- Westermann, J. (2018). Putin and North Korea: Exploring Russian Interests around the Peninsula. *Strategic Insights*. Australian Strategic Policy Institute.
- Zabrovskaya, L.V. (2006). Economic Contacts between the DPRK and the Russian Far East: 1992—2005. *International Journal of Korean Unification Studies*, 15 (2), 95—111.

- Zabrovskaya, L.V. (2010). *Nature and Main Directions of Russia's Policy towards North Korea after the End of the Cold War* [thesis]. Moscow. (In Russian).
- Zakharova, L. (2016). Economic Cooperation between Russia and North Korea: New Goals and New Approaches. *Journal of Eurasian Studies*, 7 (2), 151—161.
- Zhebin, A.Z. (2006). The Situation on the Korean Peninsula and Russia's Interests. In: Zhebin, A.Z. (Eds.). *Korean Peninsula and Challenges of Globalization: reports presented at the X Scientific Conference of Korean Studies in Russia and the CIS*, Moscow, March 29—30, 2006. Moscow: IDV RAN publ. P. 28—35. (In Russian).
- Zhebin, A.Z. (2017). North Korea: Bombs, Missiles, Sanctions. *Asia and Africa Today*, 1, 2—9. (In Russian).

Сведения об авторах: *Асмолов Константин Валерианович* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (e-mail: asmolov@ifes-ras.ru).

Захарова Людмила Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (e-mail: ludmila_hph@rambler.ru).

About the authors: *Asmolov Konstantin Valerianovich* — PhD in History, Leading Researcher, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: asmolov@ifes-ras.ru).

Zakharova Liudmila Vladimirovna — PhD in Economics, Senior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ludmila_hph@rambler.ru).